

суждал это в переписке с сестрой. Письма проливают свет на ранее неизвестные биографические факты из жизни семьи Набоковых.

С докладом «Набоковские земли в Санкт-Петербургской губернии» выступил Д. И. Сергеев (Санкт-Петербург).

Р. Волкова (США) в докладе «„Защита Лужина“ как предчувствие дела Лузина» продемонстрировала, что, несмотря на то, что роман «Защита Лужина» считается классической шахматной новеллой, он содержит и некоторые другие темы, как, например, математическую линию, а также тему теологии имени. Все три обозначенные сюжетные линии сходятся в одной точке: Московской математической школе, одним из виднейших представителей которой был Н. Н. Лузин,

ученик Н. В. Бугаева, отца Андрея Белого. Во время работы Набокова над романом Н. Н. Лузин находился в служебной командировке во Франции. Его решение вернуться в 1930 году в страну большевиков было сродни самоубийству. При жизни Набокова в переводах романа имя Лужина исключалось из заглавия, чтобы не причинить вреда его прототипу с созвучной фамилией.

С докладом «В. Д. Набоков: лидер во время кризиса» выступила М. Минская (США). Е. Б. Белодубровский (Санкт-Петербург) представил доклад «Набоков. 1970-е годы. Воспоминание».

© П. В. Бояркина

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-259-268

## ШЕСТЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

27–30 сентября 2021 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялись Шестые Лихачевские чтения (Международная научная конференция «Петербургская текстологическая школа: традиции и развитие»). В этот раз чтения были посвящены столетнему юбилею двух выдающихся представителей лихачевской школы Льва Александровича Дмитриева (1921–1993) и Якова Соломоновича Лурье (1921–1996). Открывая конференцию, председатель ее оргкомитета, руководитель Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН С. А. Семячко отметила, что организаторы чтений столкнулись с большими проблемами при выборе темы научного форума. Л. А. Дмитриев и Я. С. Лурье интересовали совершенно разные вопросы изучения средневековой русской книжности. Я. С. Лурье занимался, по преимуществу, историей русского летописания и публицистикой, Л. А. Дмитриев — агиографией, «Словом о полку Игореве» и памятниками Куликовского цикла. Этих двух замечательных ученых объединяла не тематика их научных штудий, а отношение к исследуемому тексту, методологические принципы их работы, принадлежность к одной научной школе. Той школе, которая ставит во главу угла изучение истории текста памятника; школе, становление и развитие которой связано с именем академика Д. С. Лихачева.

Первые два выступления конференции были посвящены вкладу Д. С. Лихачева в изучение средневековой русской литературы и русской культуры в целом. Н. В. Поньрко (Санкт-Петербург) в докладе «Три главные книги Д. С. Лихачева» говорила о тех книгах, которые, по ее мнению, определяли всю деятель-

ность академика Лихачева, — это «Текстология», «Поэтика древнерусской литературы», «Воспоминания». Включение «Воспоминаний» в этот ряд далеко не случайно: нравственные принципы, исповедуемые Лихачевым и декларируемые им через «Воспоминания», распространялись и на его профессиональную деятельность. Рассказ Поньрко о главных научных трудах Лихачева стал, по сути, рассказом о строительстве научной школы.

Доклад М. В. Рождественской (Санкт-Петербург) «Д. С. Лихачев об истории, текстологии и поэтике древнерусской литературы» основывался на монографиях ученого «Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков» (1962, 1983, 2011), «Поэтика древнерусской литературы» (1967 и след.), «Развитие русской литературы XI–XVII вв. Эпохи и стили» (1973 и след.) и «Человек в литературе Древней Руси» (1952 и след.). Говоря о подчиненности этих работ единому принципу историзма, исследовательница остановилась на специфике лихачевского историзма, а также подробно рассмотрела теоретический аспект научного творчества ученого.

Итальянский исследователь Дж. Дзиффер (Италия) в докладе «Текст и традиция „Слова о законе и благодати“» остановился на контаминации, затронувшей едва ли не все списки памятника, и задался вопросом, возможно ли вообще при такой истории текста восстановить взаимоотношения между группами списков. Исследователь полагает, что общую схему, отражающую взаимоотношения списков памятника, нарисовать нельзя, но можно восстановить его критический текст.

Доклад В. В. Калугина (Москва) «Текстология и язык славяно-русских Толковых

Пророчеств X–XIX веков» открыл собой ряд выступлений, посвященных переводной литературе. Толковые Пророчества — древнеболгарский перевод с греческого, выполненный в преславской литературной школе при царе Симеоне. Исследователь рассмотрел их историю на материале более 50 русских списков последней трети XV — XIX века и 10 украинско-белорусских XVI — начала XVII века, отметив при этом бедность южнославянской традиции, представленной одной неполной болгарской рукописью 70-х годов XIV века, ее славяно-молдавской копией 1474 года и двумя сербскими кодексами третьей четверти XVI века, восходящими к русскому источнику.

В. С. Томеллери (Италия) представил доклад «О славянской передаче „этимологических“ объяснений к Толковой Псалтири Брунона», материалом которому послужил церковнославянский перевод комментария Толковой Псалтири вюрцбургского епископа Брунона, осуществленный Дмитрием Герасимовым в первой половине XVI века по поручению новгородского архиепископа Макария и характеризующийся дословным подходом к своей модели. Докладчик сосредоточился на некоторых «этимологических», по его определению, объяснениях, служащих лингвистическому и богословскому толкованию ключевых слов или выражений псалтырного текста. Исследователь выдвинул гипотезу о том, что перевод Дмитрия Герасимова имел целью объяснить не славянский текст Псалтири, а именно латинский — но средствами славянского языка.

С. и Д. Фаль (Германия) выступили с докладом «Славянский перевод Диалога между Тимофеем и Акилой как источник Толковой палеи». Исследователи обнаружили в Толковой палее целую серию цитат из перевода Диалога между Тимофеем и Акилой — дословных и не дословных, доказывающую знакомство автора Толковой палеи с неотредактированным текстом перевода, и продемонстрировали приемы работы автора Толковой палеи с этим источником.

В выступлении И. М. Грицевской (Сыктывкар) и В. В. Литвина (Чехия) «Дадактические тексты Псевдо-Афанасия в славянской письменности» были рассмотрены шесть гомилий, отличающихся своей дидактической направленностью, касающихся таких аспектов, как неосуждение и спасение в миру. Исследователи продемонстрировали, что подобные тематические аспекты в славянской книжности имели тенденцию закрепляться за именем Афанасия Александрийского (Великого). Связь названной тематики с фигурой Афанасия была настолько значимой, что могла превысить авторитетность имени Иоанна Златоуста, и даже подлинные сочинения Иоанна иногда приписывались Афанасию.

К текстологической проблематике вернула слушателей М. В. Корогодина (Санкт-Петербург), которая представила доклад «Текстология „исповеданий“ архиереев в XV веке». Исповедания епископов — обещания, которые дают архиереи при поставлении на кафедру.

Исследовательница рассмотрела формуляры исповеданий, начиная с наиболее раннего, принадлежащего Григорию Цамблаку (1415), и заканчивая текстами конца XV — начала XVI века, продемонстрировав при этом разницу между формулярами, применявшимися в Московской Руси и Великом княжестве Литовском.

После завершения утренних заседаний состоялось открытие выставки, посвященной Я. С. Лурье и Л. А. Дмитриеву. На подготовленной В. А. Ромодановской экспозиции были представлены биографические материалы из семейных архивов: дневники, письма, фотографии, деловые документы. На открытии выставки выступили директор ИРЛИ РАН В. В. Головин, сын Я. С. Лурье Л. Я. Лурье, дочь Л. А. Дмитриева Н. Л. Дмитриева и В. П. Бурагин.

Вечерняя часть первого дня конференции открылась докладом А. А. Гиппиуса и Д. С. Першиной (Москва) «Молитва преподобного Феодосия на иконе Свенской (Печерской) Богоматери: текст и текстология иконной надписи». В нем была предложена реконструкция текста надписи на свитке Феодосия Печерского на иконе «Богоматерь Печерская (Свенская)» из собрания Государственной Третьяковской галереи, которая оказалась возможной благодаря макросъемке иконы и сопоставлению ее с иконой из Успенского собора Московского Кремля, являющейся списком, сделанным непосредственно со Свенского образа в период его пребывания в Москве в 1563–1583 годах.

Продолжил заседание доклад И. В. Федоровой (Санкт-Петербург) «Перечень как элемент паломнического текста», речь в котором шла о таком значимом элементе паломнического текста, как перечень святых мест Палестины, посещаемых богомольцами разных эпох, а также список географических объектов на пути к Святой Земле. Автор предприняла попытку проследить особенности создания и функционирования такого рода перечней в паломнической литературе русского Средневековья и Нового времени и рассмотрела их как структурный элемент паломнических описаний («хождений», «путника», «пeregинации») и как жанрообразующий признак формы «дорожника», в поздней традиции называемой «трактами» или «списками путей». При этом исследовательница обратила внимание на особенности синтаксической организации перечня и поставила вопрос о его осознании как элемента паломнического текста авторами и редакторами описаний Святой Земли разного времени.

А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский (Москва) выступили с докладом «Христианская двуименность в правящей династии на Руси: этапы эволюции», в котором показали, что поначалу русские князья и их окружение давали новорожденному одно из христианских имен в качестве крестильного, другое же принимало на себя функции публичного, родового (наследуемого), династического. Со временем это на-

следующее имя стало совмещать в себе функции династического и крестильного, тогда первое имя, прямо связанное с датой появления на свет, превратилось в элемент личного благочестия.

Материалом для доклада М. Б. Плюхановой (Италия) «Письмо о Римском цесаре и молитва „Сон Богородицы“ в следственном деле 1642–1643 гг.: отзвуки милленаризма» послужило московское сыскное дело стрельца Афоньки Науменко. Обнаруженное во время одного из обысков Письмо о Римском цесаре, рассказывающее о явлении в Калабрии нового пророка, исследовательница связала с идеями милленаризма в духе Кампанеллы. Плюханова не исключила связь с милленаристскими идеями и находящегося в деле «Сна Богородицы», произведения итальянского происхождения, известного в рукописях с XIV века, обратив внимание на присутствие в этом тексте эсхатологического начала с оттенком милленаризма.

В докладе Л. И. Сазоновой (Москва) «Неизвестное об известном: Из опыта текстологической работы с рукописным наследием XVII в. (Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев)» был предложен ряд наблюдений над текстами двух ведущих авторов русского барокко, которые касались как объема творчества названных писателей, так и особенностей отдельных произведений, им принадлежащих. В частности, с помощью сопоставительно-текстологического анализа исследовательница установила использование Сильвестром Медведевым сочинений Симеона Полоцкого из «Рифмологиона».

З. Е. Оборнева (Москва) и Н. В. Савельева (Санкт-Петербург) выступили с докладом «„Четверострочия“ Григория Богослова с толкованиями в „Анфологионе“ Арсения Грека (М., 1660): особенности перевода». По ряду текстологических и лингвистических примет они установили, что в распоряжении Арсения Грека был греческий список стихов Григория Богослова с толкованиями (ныне: РГАДА. Ф. 1607. № 11), который и лег в основу перевода, выполненного Арсением для «Анфологиона». Им удалось наглядно показать манеру перевода Арсением Греком стихов Григория Богослова и толкований к ним, которая демонстрирует не только его возможности, продиктованные знанием языка оригинала, но и зависимость техники перевода от литературной формы оригинала (стихи и проза), а также, по-видимому, от авторитета и степени непреложности этого оригинала.

Д. К. Уо (США) в докладе «„Юустус Филлимонатус“ и „Лев Шлаковский“: переоценка роли двух обманщиков в истории московских „вестей-курантов“» предложил анализ обширной переписки 1643–1644 годов между неким «Юустусом Филлимонатусом» (под этим именем скрывался шведский чиновник в Риге Лаврентий Грелле) и князем Львом Шлаковским. Он поставил цель установить причины, по которым эта переписка состоялась, и значение переписки для осведомленности московского правительства о зарубежных событиях.

Завершал первый день конференции доклад С. И. Николаева (Санкт-Петербург) «Издание XVIII века как источник текста». В нем были представлены особенности работы текстолога с печатными изданиями XVIII века, в процессе которой приходится решать целый ряд вопросов: все ли произведения в издании принадлежат автору, указанному на титульном листе; очевидные ошибки в тексте сделаны автором, издателем или наборщиком; отличаются ли переиздания произведения; как поступить с авторской правкой чернилами в уже напечатанном издании и т. д. Эти и другие вопросы были освещены на примере изданий А. Д. Кантемира, А. П. Сумарокова и других поэтов.

Второй день конференции был посвящен Якову Соломоновичу Лурье. Программа первой половины дня была сосредоточена на летописной проблематике. Утреннее заседание открылось докладом С. М. Михеева (Москва) «Снова о происхождении „неизвестно откуда взятых материалов“ Новгородско-Софийского свода за XI в.». Он был посвящен вопросу о происхождении тех фрагментов, которые были вымараны редактором, дополнившим Начальный свод, и отразились по этой причине только в Новгородской Карамзинской и родственных ей летописях. Кроме этого, была рассмотрена проблема полноты отражения текста древней редакции Начального свода в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду, а также вопрос о времени создания его древней и новой редакций.

А. М. Ранчин (Москва) в докладе «К вопросу об атрибуции Повести временных лет: проблема авторства Нестора», отметил, что любое решение «проблемы Нестора» может быть только гипотетическим, так как зависит от принятия разных исходных посылок, присоединился к мнению А. А. Шахматова, что Нестор мог быть автором так называемой первой (досильвестровской) редакции Повести временных лет (между 1113–1115 годами). Автобиографические известия и указания на информаторов сближают Повесть временных лет с аналогичными свидетельствами в написанных им житиях. По мнению Ранчина, имя Нестора могло быть вписано в заглавие им самим, образом могла послужить Хроника Георгия Амартола.

Выступившая следующей Н. И. Милютенко (Санкт-Петербург) в докладе «Сокращенные своды, Ермолинская летопись и гипотеза Я. С. Лурье о „Севернорусском своде“» сосредоточилась на анализе летописного памятника, известного под названием «Летописец русский». Сопоставив его с источниками, исследовательница категорически отвергла возможность его кирилло-белозерского происхождения, оставшись при убеждении, что это памятник ростовский.

И. В. Лемешкин (Чехия) посвятил свой доклад «„Двум смертям не бывать, а одной не миновать“: Фольклорный источник нарратива о мести княгини Ольги древлянам» поиску сюжетных параллелей, недостающих и критически важных для обоснования тезиса

о фольклорном происхождении летописного нарратива. Ученый полагает, что месть древлянам опосредованно восходит к балто-славянской этиологической повести о превосходстве кремации над ингумацией и над практикой захоронения на деревьях.

С. А. Семячко (Санкт-Петербург) представила доклад «Временник русский и Сказание о Спасо-Каменном монастыре», в котором подвергла критике идею А. В. Сиренова о том, что входящее в конвой отдельных списков Временника русского Сказание о Спасо-Каменном монастыре, которое исследователь безоговорочно атрибутировал Паисию Ярославову, служит косвенным подтверждением троицкого происхождения Временника русского. Продемонстрировав поэтапность создания текста Сказания о Спасо-Каменном монастыре, докладчица показала, что Паисий Ярославов мог иметь отношение лишь к первому из этих этапов, что Сказание ни на одном из этапов не имело отношения к Троице-Сергиеву монастырю и при этом вошло в конвой Временника русского в «постпаисиевском» виде.

А. С. Лавров (Франция) посвятил свое выступление «Летописная заметка о стрелецкой казни 1698 г.» краткой заметке, вышедшей из-под пера анонимного автора, не скрывающего своих симпатий к стрельцам. По его мнению, автор был москвичом и свидетелем событий, пораженным — как и многие его современники — тем, что обязанности царя и палача выполняло одно и то же лицо. Некоторые фактические данные, сообщаемые автором заметки, не находят подтверждений в источниках, а число казненных, названное им, преувеличено на порядок. Исследователь ввел Летописную заметку в контекст немногочисленных произведений, в которых открыто критиковались первые реформы или внешнеполитические меры Петра I.

Живой интерес вызвал доклад А. В. Дорониной (Москва) «„Повесть о Словене и Русе“ — европейский памятник раннего Нового времени», в котором ученый предложил рассматривать Сказание о Словене и Русе не в контексте летописной (христианской) традиции, но как памятник европейской историографии (раннего) Нового времени, как глубоко в сложившихся политических коллизиях осмысленный нарратив-«инструкция» *ex post*, первый в Московской Руси краткий план-проспект начальной истории Руси — матрицу, по которой предполагалось отныне выстраивать начальную историю Руси. По мнению исследователя, автор Сказания обратился к европейской историографической традиции, опосредованной Речью Посполитой и юго-западной Русью, в надежде найти для Московской Руси надежную историческую легитимацию в новой Европе.

В. Г. Вовина-Лебедева (Санкт-Петербург) в докладе «Обсуждение истории русского летописания в переписке А. А. Шахматова» представила слушателям переписку А. А. Шахматова с А. Е. Пресняковым и В. А. Пархоменко, а также письма М. Д. Приселкова Шахматову

(ответные письма, очевидно, были утрачены при аресте Приселкова). Сведения базировались на архивных материалах, хранящихся в СПбФ АРАН, Архиве СПбИИ РАН и ЦГИА СПб.

Вторая половина посвященного Я. С. Лурье дня была отведена в основном истории идеологических движений на Руси и проблемам изучения публицистической литературы. Первым прозвучал доклад А. И. Алексева (Санкт-Петербург) «Яков Соломонович Лурье как исследователь идеологической борьбы в русской публицистике начала XVI в.», в котором ученый коснулся истории обращения Якова Соломоновича к этой проблематике и процесса создания фундаментального труда Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье «Антифеодалные еретические движения на Руси конца XIV — начала XVI вв.» (М.; Л., 1955), а затем и монографии Я. С. Лурье «Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI вв.» (М.; Л., 1960).

Е. В. Белякова (Москва) предложила вниманию участников конференции доклад «К вопросу о расширении круга источников по российской идеологии XVI в.». Исследовательница отметила, что применение понятия «идеология» к русской культуре XVI века не является данью марксистской науке. Формирование московского государства сопровождалось созданием идеологических концепций, призванных объяснить его место в истории после разрушения предшествующей византийской картины мира, имевшей религиозный характер. По мнению докладчицы, Лурье верно определил роль так называемых «еретиков», а точнее ученых дьяков, в формировании идеологии московского государства. Белякова очертила круг связанных с данной проблематикой источников, которые требуют изучения и публикации. Она отметила, что анализ рукописной продукции монашеских корпораций позволяет критически относиться к тезису Лурье об одинаковом отношении партии «иосифляне» и «нестяжателей» к преследованию еретиков, и показала возможности иного подхода к этой ситуации в связи с пониманием того влияния, которое оказал исихазм на литературу и духовную жизнь этого времени.

Д. М. Буланин (Санкт-Петербург) в докладе «„Литература жидовствующих“ в свете новейших исследований» обратил внимание слушателей на точку зрения Лурье, который, публикуя свод известий по истории реформационных движений, справедливо подчеркнул, что, будучи переводами с еврейского, эти памятники не содержат в себе ничего еретического. Признавая само существование ереси, ученый вместе с тем доказывал, что она не имела никакого отношения к иудейской религии. Буланин обратился к перечню книг, которые, по мнению Новгородского епископа Геннадия, «у еретиков все есть» и которые тот называет в послании Иоасафу, бывшему архиепископу Ростовскому (1489). Ученый выдвинул предположение, что названные в перечне кодексы

были получены Геннадием откуда-то в виде одной партии, возможно, были предоставлены ему на время (для снятия копии) из того самого православного монастыря (Печерского?), насельники которого каким-то образом сотрудничали с иудеями в рамках «переводческой школы». По мысли исследователя, в этом случае придется сделать вывод, что во владычном книгохранилище не было раньше соответствующих названий. Поэтому архиепископ и спешил поделиться новыми приобретениями со своими единомышленниками, разделявшими его позицию в развернувшейся антиеретической кампании.

Продолжил заседание доклад И. И. Маковой (Москва) «Антиарианские мотивы в древнерусской литературе». Исследовательница обратилась к анонимному «Слову о Соборе святых отец 318, спешившихся в Никею на Ария еретика», «Слову памяти 318-ти отцов Никейского собора» Кирилла Туровского, Поучению в составе Учительного евангелия Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого, Житию Спиридона Тримифунтского, Слову похвальному Николаю Мирликийскому, переводным Слову Афанасия Александрийского на антиарианскую тему и Хронике Георгия Амартола и др.

В докладе «Антилатинские послания Максима Грека и русская публицистика первой половины XVI века» М. Гардзанити (Италия) обратилась к письмам, которые Максим Грек отправил немецкому врачу Николаю Булеву и дипломату Федору Карпову и которые принято относить к первым годам пребывания Максима в России. При этом он сосредоточился не на философском и богословском аспектах поднимаемых в этих посланиях вопросов, а на изучении форм выражения авторских размышлений и рассмотрении функции этих форм в риторической аргументации, присутствующей в письмах Максима Грека.

И. А. Поляков (Санкт-Петербург), выступая с докладом «Новая редакция „Исторической повести об Азовском взятии“ в историческом сборнике князя Ромодановского», ввел в научный оборот текст, который он определил как новую редакцию «Повести об Азовском взятии», обладающую некоторыми признаками первоначального текста.

Материалом доклада Н. В. Белова (Санкт-Петербург) «„Последование древним“ — повесть о Казанском походе 1552 г.: к истории создания и бытования текста» послужила внелетописная повесть об осаде и взятии Казани войсками царя Ивана IV, созданная анонимным книжником во второй половине 1550-х — 1560-е годы. Исследователь рассмотрел все известные варианты этого текста и представил участникам конференции результаты предварительного текстологического изучения.

Последним во второй день конференции прозвучал доклад Г. Ленхофф (США) «Как составлена Степенная книга? Новые вопросы о старых гипотезах», в котором была рассмотрена и обоснована необходимость согласовать доступный нам рукописный материал с обще-

принятыми выводами: что протопоп Андрей (царский духовник, впоследствии митрополит Афанасий) являлся «составителем» Степенной книги; что расположение и выбор материалов свидетельствуют о едином общем плане, последовательно осуществленном в единообразном торжественном стиле макарьевской школы; что редакторская правка на листах трех древнейших списков отражает «авторскую волю» составителя.

Столетний юбилей Льва Александровича Дмитриева участники конференции вспоминали на заседаниях третьего дня, которые в основном были посвящены агиографической проблематике. Первым 29 сентября выступил А. Г. Мельник (Ростов Великий) с докладом «Подъем почитания русских святых в конце XIV — начале XV в.». О подъеме почитания тех или иных святых, по его мнению, свидетельствуют написанные в соответствующий период посвященные им новые жития и тексты церковных песнопений, записи рассказов о чудесных явлениях у их гробниц, сообщения документов о строительстве церквей во имя тех же святых. О подъеме говорят и свидетельства источников об образовании тогда же новых культов подвижников благочестия. Подъем, произошедший в конце XIV — начале XV века, исследователь видит в активизации почитания старых святых (Петра митрополита, Леонтия Ростовского, Антония Печерского, Варлаама Хутынского, Никиты Переяславского), формировании культов новых святых (Сергия Радонежского и Стефана Пермского) и интересе в Северо-Восточной Руси к Киево-Печерскому патерику.

А. В. Духанина (Москва) в докладе «Новые данные о раннем этапе рукописной традиции Жития Исайи Ростовского» обратилась к двум недавно выявленным ранним спискам Жития: в составе кирилло-белозерского «Толстого сборника» — годового минейного торжественника, содержащего преимущественно жития русских святых, расположенные в календарном порядке, СПбИИ РАН. Ф. 238 (Колл. Н. П. Лихачева). Оп. 1. № 161. Л. 307–312 об.; в составе сборника житий и служб русских святых ГИМ. Собр. Е. В. Барсова. № 798. Л. 91–98. Эти списки, вместе с некоторыми более поздними, отражают, по наблюдениям исследовательницы, особую редакцию текста — без дат, которая довольно скоро, не позднее 1480-х годов, была пополнена рядом исторических вставок, что привело к возникновению новой редакции. Ранний этап рукописной традиции Жития, приходящийся на последнюю четверть XV века, характеризуется появлением сразу двух редакций текста, что свидетельствует об активном процессе формирования культа святителя Исайи в это время.

Два следующих выступления касались круга текстов, посвященных новгородской иконе Богородицы Знамение. З. Н. Исидорова (Санкт-Петербург) в докладе «Литературная история Знаменского цикла в XV веке» представила аргументы в пользу авторства Пахомия Логофета

для всех текстов Знаменского цикла, уточнила время их создания (после 1438 и до 1442 года), определила место автографа в истории цикла и взаимоотношения известных списков XV века, сделала выводы об особенностях бытования текстов Знаменского цикла в XV веке. Вслед за ней Ф. В. Панченко (Санкт-Петербург) в докладе «Служба новгородской иконе Богородицы Знамение: генезис и преобразования музыкальных интерпретаций» отметила, что автор Службы, Пахомий Логофет, не следовал какому-либо конкретному образцу, но опирался на широкий круг гимнографических, библейских и литературных произведений. Определяющей являлась образно-тематическая связь со службами Богоматери, посвященными ее земной жизни и реликвиям: положению пояса и ризы, Покрову; со службами и отдельными чинами с градозащитной темой: Трусу, Воздвижению креста, Новому лету, от нахождения иноплемennых. Их влияние исследовательница увидела и в структуре Службы Знамению, в композиционных закономерностях как всего цикла, так и отдельных текстов, в использовании цитат и парафраз из Священного Писания, устойчивых словесных формул и др., и на уровне музыкального текста песнопений. В докладе было представлено развитие Службы с момента создания вплоть до XVII века.

В. И. Охотникова (Псков) в докладе «Агиограф Иоасаф, игумен Данилова монастыря, и его творчество» рассмотрела три произведения этого автора: Сказание об обретении мощей Григория и Кассиана Авнежских с описанием чудес, Житие преподобного Стефана Махрицкого (Иоасаф является также составителем службы этим святым), Житие новгородского епископа Никиты. Все они были написаны в 60-е годы XVI века, когда он был игуменом Московского Данилова монастыря. Внимание исследовательницы было сконцентрировано на структурном анализе житий Никиты Новгородского и Стефана Махрицкого, что позволило ей создать ясное представление о принципах работы Иоасафа с источниками, особенностями структурной и стилиевой организации текстов.

В докладе О. В. Панченко (Санкт-Петербург) «О „списателе“ Жития Филиппа иноке Варфоломее, или Когда и как состоялось прославление святителя Филиппа» была представлена новая концепция истории создания и редактирования Жития. Согласно ей, Житие святителя было создано в начале 1610-х годов, уже после кончины Бориса Годунова, когда впервые можно было безбоязненно назвать имя главного злодея и убийцы Филиппа — Малюты Скуратова (приходившегося Борису Годунову тестем). Первоначальный текст Жития сохранился в его Кольцевской редакции. В то же время Краткая редакция Жития, которую некоторые исследователи, вслед за И. А. Любаковой, считают древнейшей, является, по мнению Панченко, поздней сокращенной редакцией, созданной в середине XVII века. В своем докладе исследователь подробно остановилась

на атрибуции одной из ключевых редакций Жития — Тулуповской (начало 20-х годов XVII века), приведя ряд текстологически значимых аргументов в пользу авторства Варфоломея Коноплева, ставшего впоследствии игуменом монастыря (1636–1639). В игуменство Варфоломея, как установил докладчик, состоялась и канонизация митрополита Филиппа, утвержденная указом патриарха Иоасафа, посланным на Соловки в апреле 1639 года. И хотя текст самого патриаршего указа «о праздновании митрополиту Филиппу» не сохранился, достоверные сведения о нем содержатся в целом ряде описей соловецкого архива XVII–XVIII веков (начиная с описи 1639 года). Патриаршим указом был установлен день церковного празднования митрополиту Филиппу (23 декабря), что положило начало распространению культа святителя как в самой Соловецкой обители, так и далеко за ее пределами.

А. В. Пигин (Санкт-Петербург; Петрозаводск) представил доклад «„Насилия земных властелей“: об одном утраченном фрагменте Жития Александра Ошевенского», в котором рассмотрел считающуюся первоначальной Пространную редакцию Жития и, основываясь на текстологическом анализе, показал, что один весьма значимый фрагмент Жития, связанный как раз с «семейной темой», в своем первоначальном виде не сохранился. В этом фрагменте повествуется о переселении Никифора (отца св. Александра) со всей семьей из Вещозерской веси Белозерского княжества в каргопольскую землю, где он основал Ошевенскую слободу. Переезд состоялся в 1440-е годы после ухода Александра (в миру Алексея) в Кирилло-Белозерский монастырь, но еще до его пострижения. Позднее Александр покинул Кириллов монастырь и создал близ Ошевенской слободы собственную обитель. Как продемонстрировал исследователь, мотивы «насилия» и «изгнания» в рассказе о переселении Никифора в Каргополь принадлежат архетипу Жития. В одном варианте Пространной редакции этот фрагмент был удален, в другом целенаправленно сокращен — причем оба варианта возникли уже в XVI веке. Исследователем были предложены анализ этого комплекса мотивов и попытка объяснить возможные причины такого редактирования.

Завершал утреннюю часть агиографической программы доклад Е. А. Рыжовой (Сыктывкар) «Новые материалы к текстологической концепции Л. А. Дмитриева: синодальные списки Сказания о Иоанне и Логгине Яренских». Исследовательница ввела в научный оборот материалы — два списка четвертой редакции Сказания, — более ранние по сравнению с уже известными. Эти списки позволили ей датировать создание четвертой редакции памятника временем не позднее 21 октября 1746 года и объяснить обстоятельство ее возникновения.

Вечернее заседание открылось докладом М. А. Федотовой (Санкт-Петербург) «Дмитрий Ростовский — агиограф: к проблеме циклизации», в котором шла речь о текстах,

объединенных именем одного святого и определенных исследовательницей как агиографические циклы. Лишь затронув сочинения, посвященные великомученице Варваре, она подробно остановилась на цикле памятников, связанных с именем Гурия Казанского. Федотова выделила написанные ростовским митрополитом две службы, три проповеди и Житие с чудесами, которые не получили оформления в виде цикла, в отличие от заверщенного цикла под названием «Врачевство безмездное святым девяточисленным иже в Кизику мученикам». В состав «Врачевства» входят Житие, Служба, Молитва, поучение и «Сказание <...> о новосозданной во имя их каменной церкви и обители». Название цикла и его состав, по мнению исследовательницы, свидетельствуют о том, что в своем завершенном виде сочинение мыслилось Димитрием Ростовским как единый комплекс, агиографический цикл, посвященный группе христианских святых, принявших мученическую смерть в городе Кизике и позднее прославленных в Казани.

В докладе А. И. Васкул и Н. Г. Комелиной (Санкт-Петербург) «„Народные“ святые Русского Севера: история почитания и забвения» на материале следственного дела 1839–1844 годов из архива Архангельской духовной консистории и сведений из опубликованных очерков путешественников XVIII — начала XX века рассказывалось о попытке почитания некой неизвестной девицы, на могиле которой на необитаемом острове Полтам Корге была поставлена часовня. Следствие сталкивалось с уклонением местного притча и жителей от поиска виновных в этом строительстве, допрошенные по делу и потенциально обвиняемые были мертвы или не в разуме, а история постройки часовни и почитания девицы оказалась полна темных мест. Разыскания о претендующей на святость девице привели к уничтожению посвященной ей часовни.

Материалом для доклада Г. С. Гадаловой (Тверь) «Литературные источники Акафиста Макарию Калязинскому» послужили три акафиста преподобному Макарию: один был написан коллежским секретарем Прудниковым и Указом Св. Синода от 30 марта 1859 года рекомендован к печати, но не издан; второй — настоятелем Кашинского Дмитровского монастыря архимандритом Виктором, издан в 1876-м; третий сохранился в рукописи XX века, находящейся сейчас в Ученском музее Мышкинского района. Исследовательница подробно разобрала третий акафист, попытавшись выявить его источники и литературные модели.

А. А. Романова (Санкт-Петербург) в докладе «Эволюция жанра святцев к концу XVIII в. (на примере рукописи РГБ, ф. 651 (собр. Усова), № 88)» рассмотрела рукопись, представляющую собой расширенные святцы с летописью, необычным для святцев размером в лист и объемом в 902 л. Она происходит из собрания Е. И. Усова и датируется 1720-ми годами. В состав святцев (а это именно святцы) вошли не

только краткие жития, службы или похвальные слова русским святым, но и заметки о затмениях и природных катаклизмах, указания на начало времен года и притчи о временах года, сообщения об основании Москвы и «каменного града» в ней, о сожжении Москвы в 1571 году и победе над Карлом XII под Полтавой в 1709-м и т. п., а также большое количество статей о русских святых и чтимых иконах. Отдельные статьи приведены без сокращений, даже те из них, которые имеют довольно большой объем. Исследовательница подробно познакомилась с содержанием памятника, введя его при этом в типологический ряд.

Последнее заседание третьего дня было посвящено минеям и минейным сборникам. Оно началось с доклада Н. А. Шереметова (Санкт-Петербург) «Служебные минеи Кирилло-Белозерского монастыря XV — перв. четв. XVI в.: к вопросу о введении Иерусалимского богослужебного устава на Руси». Он проследил уставные богослужебные изменения на примере комбинированной службы Тимофею и Мавре и Феодосию Печерскому (3 мая) из минеи 1462 года и обратил внимание на появление в минее новых служб, например Службы Антонию Печерскому на 7 мая. С точки зрения исследователя, их появление в минеях к концу XV века свидетельствует, с одной стороны, об очевидном интересе кирилловских книжников к русским памятникам, отразившемся, в частности, в работе инок Ефросина над подборкой месяцесловных записей для Следованной Псалтыри в 1470-е годы, с другой — о завершении редактирования состава и содержания комплекта служебных миней, формировавшегося в монастыре на протяжении XV века.

М. А. Шибаев (Санкт-Петербург) представил вниманию участников конференции доклад «„Первооснова“ Великих Миней Четых митрополита Макария», в котором на основе анализа бумаги Софийского комплекта Великих Миней Четых реконструировал первоначальный блок текстов агиографического свода. По подсчетам ученого, «первооснова» насчитывала не менее 2000 листов (с учетом утраченных листов в не дошедших до нас томах) и, вероятно, могла быть разделена на 4 тома примерно по 500 листов, подобно ныне существующим томам Софийского комплекта. В ее создании принимали участие всего три писца, два из которых впоследствии были привлечены для написания других текстов в Великих Минеях Четых. Исследователь предположил, что сохранившийся в самых ранних томах блок «первоосновы» по первоначальному замыслу Макария представлял собой своего рода черновик-заготовку для последующей переписки в более парадном виде.

Доклад Т. Б. Карбасовой и А. Г. Сергеева (Санкт-Петербург) «Неизвестный годовой комплект житийно-учительных текстов 20-х годов XVII века» касался двух сборников, РНБ. F.I.894 и РНБ. Собр. ОЛДП. F. 48. Кодикологический анализ и анализ содержания

позволил исследователям сделать вывод, что эти рукописи объединяет календарно-тематический принцип подбора текстов — это агиографические произведения на декабрь–февраль и июнь–август соответственно; большинство текстов посвящено русским святым и праздникам, для нескольких памятников это ранние или особые варианты редакций; они являются частью годового комплекта житий, составители которого обращали особое внимание на подбор и/или редактирование текстов.

Завершал третий день конференции доклад Е. М. Юхименко (Москва) «Рукописная традиция Выговских Четых Миней», который был посвящен новым находкам, связанным со знаменитым старообрядческим книжным сводом начала XVIII века. Тома этого свода переписывались в лексинском скриптории в 1829–1837 годах. Исследовательница ввела в научный оборот два тома, переписанные в это время. Они недавно появились на антикварном рынке и были приобретены московскими коллекционерами М. С. Бывшевым (том за май) и иереем Алексеем Лопатыным (том за сентябрь). Юхименко продемонстрировала, какое значение эти книги имеют для характеристики не только рукописной традиции Выговских Четых Миней как таковой, но и обстоятельств создания и состава первоначального комплекта.

Четвертый день конференции открылся докладом А. В. Сиренова (Санкт-Петербург) «Августинская легенда в русской письменности XVI в.». Ученый, отметивший, что легенда о происхождении династии Рюриковичей от Пруса дошла до нас как в составе нарративных текстов XVI века, так и в документах того времени, в том числе дипломатических, сосредоточился на полемике Р. П. Дмитриевой с А. А. Зиминым и А. Л. Гольдбергом о времени формирования легенды. Поддержав точку зрения Дмитриевой о том, что среди текстов Августинской легенды текстологически первичным является Послание Спиридона-Саввы, Сиренов показал, что изучение Августинской легенды зашло в тупик потому, что исследователи определяли авторство и время Августинской легенды, исходя из практики составления и редактирования памятников древнерусской литературы. В результате выводы текстологического исследования вступили в противоречие с фактами.

Следующим прозвучал остродискуссионный доклад Л. В. Соколовой (Санкт-Петербург) «Параллельные чтения в „Сказании о Мамаевом побоище“ и „Задонщине“ (к проблеме заимствований)». Исследовательница постаралась убедить слушателей, что поэтическая «Задонщина» была создана после «Сказания о Мамаевом побоище» и с использованием содержащихся в нем сведений; что в авторский текст «Задонщины» составителем Пространной редакции были внесены некоторые добавления; что составители позднейших редакций «Сказания» вносили вставки из «Задонщины», причем как фрагменты авторского текста, так и добавления составителя Пространной редак-

ции «Задонщины»; и наконец, что в поздних редакциях «Сказания» заимствованные из «Задонщины» фрагменты иногда дублируют авторский текст памятника.

Т. И. Афанасьева (Санкт-Петербург) начала доклад «Переводческая деятельность митрополита Киприана († 1406) и ее рецепция в Московской Руси и Великом княжестве Литовском» с напоминания о фундаментальном труде Л. А. Дмитриева «Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы». Упомянув о том высоком статусе, который имел Киприан еще в Византии (патриарший синкелл), и тех культурных и книжных связях, которые он сумел установить еще в ранний период своей деятельности, исследовательница отметила, что в период его митрополичества были налажены культурные контакты между Москвой и Константинополем: там переписывались новые переводы богослужебных книг и христианской литературы. Подробно Афанасьева остановилась на выполненном по инициативе Киприана переводе требника храма св. Софии в Константинополе и на Киевском евхологии 1540 года из собрания Ватиканской библиотеки, сохранившем практически без изменений переводы, сделанные при Киприане.

С. М. Шумило (Украина) в докладе «Именованье как способ толкования в переводных и оригинальных произведениях стиля „плетения словес“» представила рассматриваемый литературный прием у Епифания Премудрого, Григория Цамблака и Пахомия Логофета в сопоставлении с аналогичной особенностью ранних сочинений христианского и даже дохристианского Востока. Для сравнения она привлекла тексты Филона Карпайского, Псевдо-Дионисия Ареопагита, Иоанна Дамаскина, Космы Майюмского, Иосифа Песнопisca, Иоанна Лествичника.

Доклад А. Г. Боброва (Санкт-Петербург) «Стишной пролог русской редакции: время и место создания», представленный на конференции в письменной форме, был посвящен Стишному прологу на мартовскую половину года из собрания Папского восточного института в Риме (Slavo 5, начало XVI века). Ученый локализовал создание Пролога в одном из пригородных «владычных» новгородских монастырей и охарактеризовал его как единственный сохранившийся экземпляр особого вида сборника, пример влияния устной словесности на литературу, необычный исторический источник, отразивший начальный этап возникновения культа новгородских владык, от почитаемых могил и поминальных трапез — к Житиям святых и к созданию нового типа книги.

В докладе Т. Р. Руди «„Слово к верным“ Ермолая-Еразма: из литературной истории памятника» была представлена литературная история памятника на основе анализа двух его авторских редакций, сохранившихся в сборниках-автографах, что позволило уточнить представление о методах редакторской работы



книжника, а также выявить некоторые из наиболее значимых его источников.

Проблемам идентификации почерков был посвящен доклад О. С. Сапожниковой (Санкт-Петербург) «Наследие „мятежного“ старца Боголепа Львова: ключ к атрибуции». Исследовательница выделила ряд характеристик, которые она сочла достаточными для определения почерка этого книжника: грецизированное написание (несколькими способами) буквы *y*, грецизированного характера лигатуры, длинный соединительный верхний элемент лигатур на конце слов, заканчивающихся на согласную и *ѣ*, буква *о* с неизменным завитком внутри и т. д., — и представила перечень из 17 рукописей, в которых, по ее мнению, присутствуют тексты, принадлежащие руке Боголепа Львова.

И. А. Лобакова (Санкт-Петербург) в докладе «„Повесть о разорении Рязани Батыем“ в составе летописных сводов XVII в.» продемонстрировала устойчивый интерес у составителей новых летописных памятников к «Повести о разорении Рязани Батыем» как к одному из исторических источников. Она рассмотрела несколько летописных компиляций XVII века, в состав которых вошла Повесть, показав их место в общей текстологической картине.

Одно из новых поступлений Древлехранилища им. В. И. Малышева ИРЛИ РАН стало предметом доклада М. В. Кужлева (Санкт-Петербург) «„Книга о вере“ из Спасо-Ломской пустыни с вкладной записью 1659 г.: из истории ее бытования». На основании сведений, сообщаемых в записи, выступавший установил личность вкладчика, ученика и «единомысленика» Ивана Неронова, бывшего игумена Московского Златоустовского монастыря Феокиста, вероятного автора «Записки о жизни Ивана Неронова». В докладе также решались вопросы о том, как и почему книга попала из Спасо-Ломской пустыни на Вятку, что с ней там происходило, вплоть до ее попадания в Вятское собрание Древлехранилища. Рукопись, о которой шла речь, была представлена на выставке новых поступлений в Древлехранилище ИРЛИ РАН, подготовленной М. В. Кужлевым к Шестым Лихачевским чтениям.

В центре доклада А. Н. Левичкина и Н. В. Савельевой (Санкт-Петербург) «Памятники лексикографии древнерусской письменной традиции в „Цветнике“ Прохора Коломнятина 1668 г.» был сборник ГИМ. Музейское собр. № 2803, в составе которого находится несколько словарей. Состав «Цветника» Прохора Коломнятина, в целом вполне традиционный для нравственно-учительных и аскетических монастырских сборников XV–XVII веков, выделяется рядом статей, которые демонстрируют явное пристрастие его составителя к систематизации разного рода сентенций и экзерптов, избранных из книжных источников, и к изложению материала в алфавитном порядке. Был представлен обзор находящихся в «Цветнике» словарей, среди которых три словаря-разговорника, записанные Прохором Коломнятиним со слов носителей языков, на слух, и отражаю-

щие, таким образом, живую речь XVII века: карело-русский словарь, небольшой разговорник коми-зырянского языка и тюркско-русский словарный свод; а также более известные словарные тексты, такие как «Толкование о псалтырных словесех» и «Латинского языка рѣчи». Кроме того, исследователи отметили словарь под названием «Переводныйя рѣчи з греческаго языка на словенский», который, по их предположению, представляет собой самостоятельную лексикографическую работу Прохора Коломнятина.

А. Б. Бильдюг (Санкт-Петербург) в докладе «„Диоптра“ Филиппа Монотропа у старообрядцев Рогожского кладбища» предложила обзор десяти рукописей с полным текстом «Диоптры» или ее фрагментами, сохранившихся в библиотеке старообрядческой общины Рогожского кладбища.

К собранию Древлехранилища им. В. И. Малышева обратилась в своем выступлении «Крестьянские и купеческие записные книжки в Древлехранилище Пушкинского Дома» Т. Н. Галашева (Санкт-Петербург). По ее подсчетам, в этом хранилище находится более 20 рукописей, которые с некой долей условности можно назвать «записными книжками». Это могут быть связанные общей мыслью записи на полях других книг (например, месяцесловов), отдельные листы с деловыми заметками или рукописи, целиком заполненные личными записями, относящимися к XVIII–XX векам. Рассмотрение целого ряда записных книжек, как показала исследовательница, позволяет увидеть в них особый тип источников, который интересен не только включениями дневниковых, фольклорных или исторических текстов среди деловых заметок, но и сам по себе, в непреднамеренности своего окончательного облика.

Завершали Лихачевские чтения два доклада, посвященные писцовым практикам. Д. О. Цыпкин (Санкт-Петербург) в выступлении «Письмо и текст: К вопросу о скорописи в древнерусской письменной культуре» рассмотрел скорописную азбуку, находящуюся в составе одного из двух древнейших русских каллиграфических пособий — «Азбуки фряской» 1604 года, хранящейся в собрании СПбИИ РАН. Ф. 115. № 160. Созданная Ф. С. Басовым скорописная азбука включает в себя как непосредственно азбуку, так и комплекс «монокондильных» композиций. Была проанализирована эстетика скорописи в представлении Басова, а также специфика техники ее исполнения. На базе содержания «монокондильных» композиций была рассмотрена связь типа письма и исполняемого текста в отношении к эстетическим представлениям древнерусского каллиграфа.

Последним прозвучал доклад А. Б. Беловой (Санкт-Петербург) «Условия работы древнерусского пишущего и их влияние на текст». Источником для исследовательницы послужили книжные миниатюры, свидетельства иностранных путешественников и приходо-расходные книги приказов. По ее мнению,

универсальным источником могут быть и сами тексты. Например, ошибки, типичные для письма под диктовку, следы правки, совместной переписки и редактирования способны дать нам лучшее представление о процессе письма.

По завершении научной программы перед участниками Шестых Лихачевских чтений выступил внук Л. А. Дмитриева, композитор и пианист, двукратный победитель Международного конкурса им. Сергея Прокофьева Николай Мажара.

30 сентября — день памяти Д. С. Лихачева. Несмотря на предельно насыщенную программу, делегация участников конференции смогла посетить его могилу, чтобы отдать дань памяти своему наставнику, чья научная школа продолжает жить, развиваться и, как показала прошедшая конференция, открывать для себя новые перспективы.

© С. А. Семячко

DOI: 10.31860/0131-6095-2022-3-268-274

### МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИКИ: В ЧЕСТЬ 150-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА, К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. А. ИЕЗУИТОВОЙ»

29–30 сентября 2021 года на кафедре истории русской литературы СПбГУ проходила Международная научная конференция «Учитель и ученики: в честь 150-летия со дня рождения Леонида Андреева, к 90-летию со дня рождения Л. А. Иезуитовой». В связи с ограничениями из-за распространения коронавирусной инфекции конференция прошла в смешанном формате, заседания транслировались на YouTube-канале Пушкинского Дома.

В день открытия конференции с приветственным словом к участникам обратился заведующий кафедрой истории русской литературы СПбГУ профессор А. А. Карпов. Он поделился своими воспоминаниями о Людмиле Александровне Иезуитовой, замечательном педагоге, ученом и человеке, с которой ему довелось проработать на кафедре не один десяток лет.

Научную часть заседания открыл В. Н. Быстров (Санкт-Петербург) докладом «Перипетии творческой истории рассказа Л. Н. Андреева „В подвале“ (1901)», в котором был прослежен процесс создания произведения и отмечены ключевые отличия первоначальной редакции текста 1899 года от основной: при подготовке к печати были кардинально изменены сюжет, структура (деление на две части), персонажи, смысловые акценты (особое внимание уделено мотиву краткого просветления и единения павших людей). Затем серьезной доработке подвергся черновой автограф, хранящийся в РГАЛИ. В. Н. Быстров обозначил также автобиографический подтекст истории, привел некоторые значимые отзывы критиков. В заключение автором была сжато охарактеризована кинопеса под названием «История одной девушки», созданная Андреевым в 1915 году на основе рассказа.

В выступлении Е. А.-М. Михеичевой (Орел) «„Орловские“ страницы в творчестве Леонида

Андреева» говорилось о той роли, которую сыграл Орел в формировании Андреева-писателя. В Орле происходит действие рассказа «Чудак». Героями «Баргамота и Гараськи» становятся «обитатели одной из окраинных улиц города Орла». Деревня Собакина, в которой бедствуют родственники денщика Кукушкина («Из жизни штабс-капитана Каблукова»), также находится в Орловской губернии. В рассказе «Молодежь» отразились впечатления Андреева о времени учения его в Орловской классической мужской гимназии (1881–1891). Душевные метания юного Андреева нашли выражение в рассказе «Весной» и позже, уже в 1910-е годы, в пьесе «Младость». В обширной ремарке узнаваем дом Андреевых: «стеклянный коридор, ведущий вдоль всего дома», четыре окна на улицу, «красивый сад», посаженный отцом семейства. Оказавшись вне родины, Андреев осознает себя «трижды изгнанныком», и тогда в памяти вновь всплывает Орел: «Как некстати тут норд! <...> Другое встает: Орел, тепло, пахучая ракета, разлив рек, веселая гимназическая религия, шатанье по Болховской...».

Доклад Чиап Чиех Хан (Тайвань) «Политика взгляда в творчестве Л. Андреева и Лу Синя» представил собой попытку осмыслить значение роли «постороннего наблюдателя» в художественном сознании двух писателей. В их произведениях весьма существенное место занимает антитеза «видеть / быть видимым», которая не только выполняет сюжетно-образующую функцию, но и имеет непосредственное отношение к выражению авторской позиции. Взгляд постороннего наблюдателя рассматривался, прежде всего, как форма проявления насилия массы, в которой обнаруживаются механизмы общества и трагедия человеческого бытия. По мнению Лу Синя, преодоление холодного, беспощадного взгляда массы